

УДК 821.161.1.09

**СЛАВЯНСКИЙ МИР И СОВЕТСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ  
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ РОМАНА  
Е. ПОПОВА «ПРЕКРАСНОСТЬ ЖИЗНИ»**

**С. Ф. Меркушов**

Тверской государственный университет  
*центр русского языка и культуры*

Статья посвящена анализу проблематики и поэтики романа современного писателя Е. Попова «Прекрасность жизни». Автор исследует взаимоотражение славянского и советского миров в романе.

**Ключевые слова:** *Е. Попов, роман, картина мира, художественный и публицистический текст*

Евгений Попов и Александр Кабаков недавно опубликовали книгу о Василии Аксенове, сверхзадачей которой, как настаивают авторы, явилось «противостоять искажению фактов в угоду той или иной конъюнктуре» [1]. Такая же бескомпромиссность, но уже в создании художественных текстов, присуща Евгению Попову в одном из наиболее любопытных его романов «Прекрасность жизни», завершённом в 1987 году. Все-таки завершённом, несмотря на жанровую характеристику произведения как «глав из "романа с газетой", который никогда не будет начат и закончен» [2]. После 1987 года автор, по-видимому, не возвращался к тексту романа с целью доработки (по меньшей мере, ни критикам, ни читателям, ничего в этой связи до сих пор не известно).

Роман интересен прежде всего своей композицией. Главы соотнесены с конкретными годами (глава 1961 и т. д.) и унитаризированы: открывает главу текст Попова (писатель помещает здесь ранее изданный рассказ), далее следует подборка газетных цитат, относящихся к году, обозначенному в заглавии, затем снова текст Попова, но датируемый первой половиной 1980-х гг. Подобный способ построения произведения восходит к Джону Д. Пассосу, любимшему формалистические эксперименты («Манхэттен» и др.), и в известной степени к Хулио Кортасару («Книга Мануэля»), хотя текст последнего, в отличие от первого, Евгений Попов мог читать только в подлиннике, что вряд ли по понятным и объективным причинам возможно, поскольку он был переведен на русский язык лишь в 1998 году. Другими словами, советская реальность 1961–1985 гг. в этой книге как бы продублирована: с одной стороны, в газетных, с другой стороны, в художественных текстах. Подлинники газетных материалы подобраны так, чтобы сделать акцент на абсурдных гранях советской действительности, показать иллюзорность счастья и благоденствия граждан СССР, о которых «кричали» тогдашние СМИ (именуемые так весьма условно).

Релятивность термина «советские СМИ» детерминирована фактическими аспектами российского социалистического прошлого. Печатные средства передачи информации являлись в Советском Союзе главной

структурой, ответственной за исполнение функции политической коммуникации. Они работали как орудия агитации и пропаганды, эталоном была партийная, то есть заведомо предвзятая журналистика, а сочетание *объективная информация* использовалось неизменно с прилагательным *буржуазная* (естественно, возможностей, как и попыток какого-либо беспристрастного информационного обеспечения практически не существовало). Иными словами, газеты и журналы писали не о том, что есть в действительности, а о том, что должно быть в идеале, публикуя сведения, направленные на воспитание «образцового строителя коммунизма».

Истинная советская реальность эксплицируется как раз в тексте Е. Попова, а не в выдержках из СМИ 1960–1980-х гг. Потому в предваряющем роман текст «Вместо предисловия» автор пишет: «Подбор цитат в «ПРЕКРАСНОСТИ ЖИЗНИ» осуществлен не по расчету, а по любви. Автор не претендует ни на что, кроме художественности» [2, с. 5] (выделено автором – С. М.) – в данном случае, ни на что, кроме правдивости (недаром абзацем выше писатель иронизирует по поводу своей любви к художественной литературе и СССР, унаследованной от матери).

Предметом данной статьи станет взаимоотражение советского и славянского миров в романе «Прекрасность жизни». Знак равенства между славянским и советским мирами не может быть поставлен в силу разных обстоятельств. Это внятно фиксируется у Е. Попова на формальном и содержательном уровнях.

Механизм моделирования картины советского и славянского миров в публицистическом дискурсе романа включает в первую очередь оригинальный метод подбора газетных цитат, демонстрирующий ироничный подход к нему со стороны автора и уточняющий наиболее важные события года-главы. В то же время свои новеллы Попов вводит в текст главы, сообразуясь с содержанием выдержек, с их событийной и патетической нагрузкой.

К примеру, рассказ «Дав оброк с нас положенный...» упреждается отдельными фрагментами печатных изданий, в которых воспевается свобода творчества, даруемая писателям советским государством, и клеймится «поэтические поганки», преподносящие читателям «грязную мораль болота» [2, с. 23]. Сюжет собственно рассказа разворачивается вокруг малоизвестной теперь драмы В. И. Майкова «Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель» (1777), в которой рисуются идиллические этюды взаимоотношений угнетателей и угнетенных. На уроке происходит разбор этой драмы учительницей в соответствии с принятыми тогда гласными и негласными правилами анализа произведений русской классики, главнейшее из которых – заострение внимания школьников на «горькой судьбе крепостных крестьян в бывшей царской России и на отображении их ужасного положения свобододобивой русской литературой» [2, с. 24]. Главный упор ставится на две строки пьесы: «Дав оброк с нас положенный, // Жизнью [в тексте *в жизни* – С. М.] мы живем блаженной...» [2, с. 25], о которых педагог высказывается пропорционально вышеупомянутой норме. Внезапно один из учеников начинает рыдать: «А вдруг этот поэт правду говорил? ... Вдруг они любили своих господ, и господа их любили? Ведь все они были р-у-у-с-кие...» [2, с. 26].

Определяющей в данном пассаже представляется, конечно, последняя лексема. И помещики, и крестьяне были *русские* (относившиеся не к советскому, а к славянскому миру). Связывались они не только крепостной системой (как подавалось в СССР), но, в первую очередь, всем тем, что характерно для русского и славянского мира: своеобразием быта, представлением о мире и мироздании, общностью религии и т. д. К тому же, по поповскому тексту, мальчик – герой рассказа – в тот момент просто оказался болен гриппом в серьезной стадии и, несмотря на инцидент, по прошествии времени стал полноправным и сознательным членом советского общества (прекратил выделять из монолитного и незыблемого советского мира русских, белорусов, украинцев и прочих). А преподаватель закономерно «служит теперь издателем в редакции...» [2, с. 26].

Очевиден и сарказм Е. Попова: помещая рядом газетные публикации с восхвалением произведений литераторов, проникшихся «духом освободительного движения» [2, с. 25], и данную новеллу, он подчеркивает существование ограниченности выбора в подходах к так называемой творческой деятельности авторов, превозносивших то, что нужно превозносить сегодня, а с завтрашней переменой ветра это же «бичующих». Система жизненных координат искажается, заведомая ложь воспринимается человеком тоталитарного государства как правда. Человеком овладевает искренняя вера в фальшивку, он становится, по-солженицынски, ортодоксом профанации и сам культивирует вздор в себе и других.

Известные события 1968 года, сопряженные с вторжением в Чехословакию войск пяти стран Варшавского договора, нашли характерное представление в советской прессе. Самоубийство Яна Палаха называлось в «буржуазных» СМИ («Русская Мысль» Париж 30 января 1969 года) «совестью мира»: «...ни студенческие демонстрации, ни другие требования и протесты не вскрыли с такой предельной глубиной трагедии Чехословакии, как самоожжение Яна Палаха». В советских же СМИ поступок пражского студента преподносился как «толчок для новой клеветы и дезинформации», «сигнал к началу шумихи» [2, с. 136] вокруг «так называемого» (с точки зрения советской пропаганды) тяжелого кризиса братской славянской страны. Е. Попов снова пользуется таким приемом построения составного текста, когда, казалось бы, контрастирующие (а на поверку – взаимодополняющие) информативные блоки следуют друг за другом. Так, за лицемерным советским текстом о Яне Палахе идет не менее лицемерный – о советских солдатах-пограничниках, павших во время северо-китайского вооруженного конфликта на острове Даманский в марте 1969 года. Двое журналистов (среди которых был, кстати, Александр Проханов, тогда еще специальный корреспондент «Литературной газеты») описывают прощание матерей с погибшими сыновьями, забыв о возможной похожести этой ситуации на ситуацию с гибелью Яна Палаха.

В свете этих двух примеров можно говорить о том, что в период написания романа все славянские ценности были подменены советскими и понятие славянского мира временно утратило свое значение, а сам этот мир в сознании советского человека пребывал в «замороженном» состоянии.

Симптоматичен в этом отношении рассказ «Мельмот-скиталец» (глава 1969), замыкающий приведенные публицистические вариации. Основополагающими в нем становятся размышления одного из героев о русском народе и русской культуре, которые спасти от нависшей «твердой, четко выраженной, непосредственной, реальной, осязаемой конкретной угрозы ... чужеродного диктата» [2, с. 140] (на самом деле, метафизической и во многом выдуманной) может только чудо (опять же, событие сверхъестественное и умозрительное). Причем, слово *русский* берется «в весьма широком значении, неплохо бы его сузить» [2, с. 140] (естественно, намек последнего цитируемого сочетания прозрачен).

Далее в разговоре персонажей рассказа всплывает имя режиссера Райнера Вернера Фасбиндера, скрывающее, по словам одного из собеседников, не «сумрачный германский» гений, а «наш, скифский, "с раскосыми и жадными очами"» [2, с. 141]. Людям, знакомым с творчеством выдающегося постановщика, сама декларируемая идея покажется бредом, но для советского человека, не являвшегося внутренним диссидентом, мысли аналогичного рода были чем-то само собой разумеющимся. Бытовавшая тогда в среде убежденных и правоверных коммунистов (замечу, *советского* толка) абстрактная концепция о возможности тотального объединения всего и вся на социалистических началах делала подобные фразы частотными. Читатель понимает, что перед ним псевдоинтеллектуалы, по тексту – «интересующиеся рабочие» [2, с. 141], способные лишь глухо теоретизировать без глубинного осознания той или иной проблемы (хотя этим нередко «грешат» и «настоящие интеллектуалы» – выходцы из надлежащих слоев). Потому и «мужественный поступок» героя не идет ни в какое сравнение с деяниями Яна Палаха и советских пограничников: «Достал с полки книгу Чарльза Роберта Метьюрина «Мельмот-скиталец». ... Лег и стал читать» [2, с. 141]. Правда, с *другой* точки зрения, есть просто поступки, безотносительно какой-либо оценки...

«Жизнь прекрасна, потому что она есть, а вот если ее нет, то она уже не прекрасна» [2, с. 5], – так характеризует Евгений Попов основной пафос своей книги. В свете предыдущих умопостроений приведенная сентенция получает такое значение: жизнь и ее прекрасность творец иллюстрирует непосредственно в своем произведении. В подделке (чем, в сути своей, являются советские СМИ) жизни нет, как и ее «прекрасности», есть своего рода ее эрзац, нечто ненастоящее.

Книга заканчивается 1985 главой, а, как известно, 1985 – год начала «перестройки». Она содержит многочисленные вопросы, мягко говоря, недоумевающих и безнадежно уставших от эпохи «застоя» читателей в адрес редакций «правдивых» советских газет:

«Разъясните, пожалуйста, почему на выборах в Советы у нас по избирательному округу баллотируется только один кандидат. <...> Не секрет, что в районных и областных судах иногда допускаются ошибки. Расскажите, пожалуйста, как и где они исправляются [2, с. 399]. <...> Буржуазные идеологи нередко твердят о том, что в нашей стране якобы "ущемляется свобода" граждан, что государство вторгается в личную жизнь людей. Хотелось бы подробнее знать законодательные гарантии, опровергающие эти буржуазные тезисы [2, с. 400]. <...> Известно, что в нашей стране создана

новая историческая общность – единый советский народ. Но "радиоголоса" постоянно говорят, что, по сути дела, это осуществление курса на "денационализацию народов", ликвидацию их национальных особенностей. Какие явления нашей жизни опровергают "теории" недругов?» [2, с. 404] Последний вопрос из приведенной цитаты в очередной раз подтверждает наши примеры «неуютного соседства» славянского и советского миров. А три первых высказывания сопровождают сегодняшние будни, поэтому произведение «Прекрасность жизни» актуально и сейчас. Как пишет о своем романе автор, «начала нет, конца нет, продолжение может следовать или не следовать» [2, с. 5]. К глубокому сожалению, продолжение уже давно последовало, но, увы, не в книге, а в российской реальности.

#### **Список литературы**

1. Евгений Попов и Александр Кабаков представили книгу о Василии Павловиче Аксенове [Электронный ресурс] // Контрабанда. – 2011. – 13 сентября. – Режим доступа: [kbanda.ru/index.php/literat...onove.html](http://kbanda.ru/index.php/literat...onove.html). – Дата обращения: 23.08.2013. – Загл. с экрана.
2. Попов, Е. А. Прекрасность жизни: Главы из «романа с газетой», который никогда не будет начат и закончен [Текст] / Е. А. Попов. – М. : Моск. рабочий, 1990. – 416 с.

#### **SLAVIC WORLD AND SOVIET FICTION IN ARTISTIC AND JOURNALISTIC TEXT OF THE NOVEL E. POPOV "PREKRASNOST' ZHIZNI"**

**S. F. Merkushov**

Tver State University

*The Senter of Russian language and culture*

The article is dedicated to the analysis of the problems and poetics of the novel contemporary writer E. Popov "Prekrasnost' zhizni". The author explores the mutual reflections Slavic and Soviet worlds in the novel.

**Key words:** *E. Popov, a novel, picture of the world, artistic and journalistic text*

*Об авторах:*

МЕРКУШОВ Станислав Федорович – кандидат филологических наук, ведущий специалист Центра русского языка и культуры Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: [rusc2007@yandex.ru](mailto:rusc2007@yandex.ru)